

Алексей Коваль

Идеологические просчеты. Уроки распада СССР, которые выучил Китай

Резюме. Распад СССР предоставил важнейшие уроки для двух поколений китайских лидеров. Внутривнутриполитическое и идеологическое развитие Китая последнего двадцатилетия было основано на предупреждении рисков, ставших решающими для успеха Советского Союза. Автор показывает, что основными ошибками СССР в Китае считают 1) давление мирового империализма на СССР извне под прикрытием идеи «мирного сосуществования систем»; 2) промахи и просчеты в практике осуществления социализма, которые не были вовремя выявлены и устранены в СССР; 3) распространение ревизионистской идеи «гуманного демократического социализма» в редакции Михаила Горбачева. Анализируя тексты китайских идеологов, Автор показывает, что развитие китайского марксизма, основанного на учете ошибок советского марксизма, обусловлено задачей сделать его путеводной идеей современной общественной науки и частью государственной политики, обеспечивающей экономический успех, социальную стабильность и усиление руководящей роли Коммунистической партии Китая.

Ключевые слова: Китай, социализм, реформа, развитие, идеология, СССР.

Китайским руководителям удалось дать идеям социализма новую жизнь под названием «социализм с китайской спецификой», или «китаизированный марксизм». Для понимания данного феномена недостаточно лишь знания классических социалистических идей. Существенным все эти годы оставался вопрос, сколько в таком «социализме» китайской специфики, или, другими словами, универсален ли такой социализм, является ли он панацеей от проблем, которые переживают страны постсоветского пространства, и могут ли китайские рецепты быть применимы вне Китая? Другой важный вопрос: сколько в этой «китайской специфике» собственно социализма? Не является ли оговорка о «специфике» *такого социализма* способом скрыть что-то, что на самом деле социализмом не является?

Не подлежит, однако, сомнению, что созданная в КНР государственная система оказалась более гибкой и живучей, чем строй, существовавший в СССР. За последние 20 лет так называемая «китайская модель» доказала свою способность адаптироваться к условиям изменяющегося и нестабильного мира, к процессам глобализации. Этому едва ли удалось бы достичь, окажись Китай неподготовленным к катаклизмам, погубившим СССР, не сумей китайское руководство сделать для себя надлежащие выводы из поражения социализма в Европе и Советском Союзе.

Сегодня немало политиков и ученых рассматривают китайский путь в качестве альтернативы либеральной демократии и капитализму, претендующим на доминирование на всей планете. Более того, ряд из них уверены, что Пекин уже готов предложить этот путь для наследования другим странам, прежде всего, развивающимся, поскольку в Китае за годы реформ достигнуты определенные результаты, сформулирована универсальная идеология всеобщего, глобального развития. (R. Peerenboom, 2007; J. Kurlantzick, 2007) Другие же исследователи настаивают на географической ограниченности и национальной специфичности «китайского чуда». Они пытаются определить, как это неоднократно делалось и по отношению к Советскому Союзу, особенности развития «китайской модели», которая с неким опозданием все равно адаптирует те идеи и принципы, которые разделяет остальное человечество. По их мнению, никакой «китайской модели» не существует, есть серия экономических экспериментов, часть из которых удалась, часть – нет. По сути, Китай не выработал никаких новых подходов для обеспечения своего развития, кроме сохранения стабильности, постепенности изменений и упования на местный культурный контекст. По этой причине, не может быть идеологического противостояния времен холодной войны. «У китайского руководства нет амбиций и возможности, чтобы «китайская модель» овладела умами и сердцами людей за пределами Китая», – отмечает шведский исследователь Джон Лангерквист. Он также считает, что китайское руководство не навязывает свою модель развития другим странам, тем более, не стремится к созданию мировой системы социализма, так как это делал СССР. Посему Китай не будет исключением из правила: когда закончится переход к рынку, власти страны должны принять вызов и «второго перехода» к более демократической политике (J. Langerkvist, 2008, p. 19).

В то же время, большинство китайских ученых, по своему обычаю, не поддерживают мнений ни тех, ни других, а придерживаются третьего (можно сказать, официального) мнения, лишь отмечая, что в самом Китае они все еще находятся на начальном этапе социалистического строительства. По китайским оценкам, оно продлится, возможно, еще несколько десятилетий, и о его конкретных результатах можно будет судить не ранее 2030 года, а возможно, и позже, ведь инициаторы реформ отводили на достижение целей такого строительства сто лет. К этому времени Китай перерастет рамки западной модели, создав уникальное «государство-цивилизацию», которая будет иметь собственную логику и

циклы развития. Следуя этой теории, в Пекине уверены, что они сейчас находятся в начальной фазе очередного долгосрочного восходящего тренда (F. Fukuyama and Zhang Weiwei, 2011, p. 40–67).

Если принять во внимание активность, с которой ныне между всеми упомянутыми выше лагерями разворачивается дискуссия о том, куда движется Китай (H. Kissinger et al., 2011), изучение опыта мирового социализма, реформ в странах социалистического лагеря и причин коллапса советской системы представляется наиболее интересной и одновременно наиболее сложной задачей для современной общественной науки. В частности, вызовом для академического сообщества представляется то, что преобразования в странах социализма конца 80-х и начала 90-х годов XX века заставляют по-новому взглянуть на эту область знаний, которая не смогла ни теоретически, ни практически предвидеть возможность коллапса социалистической системы (Minxin Pei, 1998, p. 2).

Этот существенный недостаток был быстро компенсирован активной разработкой данной темы и исследованиями причин произошедшего в последующие годы как в западной науке, так и учеными бывших социалистических стран, в частности Китая. Причем если, например, в России изучение предмета сосредоточено на выявлении объективных и субъективных причин того, что реформы привели к коллапсу советской системы, то в США и Европе изучают в основном влияние исчезновения СССР на формирование однополярного мира, а также проблемы перехода постсоциалистических стран к демократии и рыночной экономике. За редким исключением ни в той, ни в другой научной школе опыт социализма и теория марксизма-ленинизма не рассматриваются в качестве учения, которое могло бы быть практически применимо в современных условиях жизни.

Если в России в условиях нынешнего авторитарного режима и идеологических предпочтений населения вернуться к социализму представляется невозможным, то на Западе ситуация несколько иная и для практики социализма более интересная. Экономический кризис последних лет толкает правительства Европы к использованию «социалистических методов» регулирования экономики и финансовой сферы (национализация банков, усиление государственного вмешательства в свободы рынка). Но все это, однако, никак не сказывается на артикулируемых идеологии и политике.

В современном Китае изучение идей Маркса, Энгельса, Ленина, теории социализма, практического опыта развития СССР и причин его развала идет наиболее активными темпами, широко и комплексно. Изучение социализма в КНР – это не наука о прошлом, не абстрактные философские дискуссии об учении, которое в определенную эпоху доказало свою несостоятельность и было забыто современниками. В Китае это – одна из важнейших отраслей современной общественной науки, а также часть государственной политики, как в теоретическом, так и в практическом плане, особенно в том, что касается сохранения и усиления руководящей роли Коммунистической партии Китая. Не будет преувеличением

сказать, что от успехов в этой сфере знаний, в немалой степени зависит сегодня существование китайского государства в том виде, в котором оно вызывает восторг и восхищение или неприятие и зависть современников. Изучение социализма, его дальнейшее совершенствование в качестве основной идеологии страны определяет будущее КНР. Китай, таким образом, закрепил за собой положение форпоста и центра развития социализма в мире.

Достаточно сказать, что в рамках крупнейшей научной организации страны – Академии общественных наук КНР действуют Академия марксизма (с 2005 года), Центр изучения мирового социализма (создан решением Компартии в 1994 году как основной центр для изучения и пропаганды идей социализма) и ряд других учреждений. Здесь издаются собрания сочинений классиков мирового социализма, работ китайских лидеров, готовятся переводы, различные публикации и сборники. Кроме того, институты марксизма функционируют в ряде крупнейших университетов страны. В дополнение к этим научным учреждениям, предмет активно изучается и развивается различными структурами Компартии Китая, в частности, в партийной школе ЦК КПК, где обучаются нынешние и будущие руководители страны.

Сегодня в среде китайских обществоведов сформировалось собственное понимание тех причин, которые привели к развалу СССР. Так, в 2008 году в серии «Библиотека исследований мирового социализма» вышла книга Чжоу Синчена и Чжан Сюя под названием «Уроки краха Советского Союза». Хотя авторы упоминают о том, что дискуссия в Китае по теме их исследования еще продолжается, уже возможно выделить три главные причины гибели Советского Союза:

- первая причина: давление извне, стратегия «мирной эволюции», осуществляемой империализмом (взгляд, отражающий представление о противостоянии двух мировых систем);
- вторая причина: промахи, ошибки и просчеты в практике осуществления социализма, которые не были вовремя выявлены и устранены в СССР;
- третья причина: выдвижение и распространение новой ревизионистской идеи «гуманного демократического социализма» группировкой руководителей КПСС во главе с Михаилом Горбачевым.

Считается, что все три фактора в совокупности сыграли роль. Однако последний, идеологический, фактор был решающей причиной крушения Советского Союза. При этом авторы отмечают, что механизм развала СССР был запущен еще в годы «хрущевской оттепели». Именно тогда были посеяны семена кризисных явлений в СССР, а идеологические нововведения Никиты Хрущева предопределила появление горбачевского «нового мышления»; в то же время, следует отметить, что к реформам Юрия Андропова у

китайцев более благожелательное отношение (Галенович М. Ю., 2011, с. 226–227).

Выводы, к которым пришли китайские исследователи и идеологи за эти 20 лет, во многом перекликаются с выводами, которые ранее сделали многие российские и украинские авторы. Причем последние пишут не только о субъективных причинах развала СССР, которые склонны выпячивать китайцы, сколько об объективных, включая социальные конфликты, проблемы общесоюзные и специфические для тех или иных союзных республик, диалектическое противоречие между целями и средствами их достижения в СССР и так далее (Е. Сулимов, 2001, с. 89; Ю. Скворцов, 2011, с. 10). Характерной чертой стиля постсоветских авторов является особая эмоциональность и большая убедительность в оценке роли Михаила Горбачева в развале СССР. Однако в современном китайском подходе присутствует, то чего нет у наших соотечественников: желание использовать выводы исторического исследования для обоснования и решения актуальных задач, проверки бытующих в КНР теорий и т. д.

В предисловии к книге «Уроки краха Советского Союза», написанной Чжан Цюаньцином (бывшим руководителем организационного отдела ЦК КПК), говорится, что «эволюция СССР – это ожесточенная классовая борьба, в ходе которой силы, выступающие против социализма, при поддержке империализма и при содействии внутри самой партии (т. е. КПСС) со стороны «элементов гуманного демократического социализма» захватили политическую власть, изменили социальный строй» (М. Галенович, 2011, с. 228).

Для китайских исследователей именно третий фактор – отход правящей верхушки СССР от социалистических идеалов и принципа диктатуры пролетариата, несостоятельность идеи «гуманного демократического социализма» – должен подчеркнуть мысль о том, что только «современный самобытный китайский социализм» и есть подлинный социализм. В то же время, вторая причина распада, связанная с ошибками советской практики социализма, служит оправданием китайской веры в беспорочность марксистской идеологии. Драматические изменения в СССР и Восточной Европе в КНР считают лишь «зигзагом» в процессе развития мирового социализма. Для китайцев речь идет о том, что ошибался не марксизм, а те, кто его реализовывал в СССР. Тем самым обосновывается и другой вывод: критика КПК в адрес КПСС, неприятие того, что Советский Союз делал у себя в стране и на международной арене, были верны, как и сама практика социализма в Китае (М. Галенович, 2011, с. 234).

В таком же ключе китайские авторы трактуют и состояние постсоветской России. Так, например, в 2009 году в Китае вышел труд Тань Суо под названием «Вестернизационные реформы Ельцина и социальная катастрофа в России» (Тань Суо, 2009). Основная мысль книги состоит в том, что Ельцин, как и Горбачев, был разрушителем СССР, его действия оказались ошибочными, а результаты их еще более катастрофичными, поскольку они основывались на принципах «либерализма». Соответственно, эпоху Владимира Путина

китайцы отождествляют со своеобразным «наведением порядка». После того как устремления Ельцина и его сторонников были дискредитированы, Россия вернулась к традиционному для власти способу действия – без демократии, без свободы слова... и без социализма. Одновременно, как отмечают китайские исследователи, «вплоть до сегодняшнего дня (в регионе бывшего СССР и Восточной Европе) по-прежнему не завершен целый ряд процессов, которые были вызваны распадом СССР», а следовательно, выводы по данному вопросу еще будут уточняться.

Заключения, изложенные выше, могут показаться весьма поверхностными и сомнительными. Ряд российских исследователей полагают, что китайские авторы извращают опыт Перестройки и описывают события, предшествующие развалу СССР, в выгодном для себя свете, откровенно замалчивая, например, демократический порыв части советских людей, их духовные интересы, желание освободиться из-под господства государства и правящей партии, которая правила как отдельным человеком, так и целым народом (М. Галенович, 2011, с. 255). До недавнего времени не было исследований, которые бы доказывали, что внешнее влияние послужило главной причиной развала СССР. Очевидно, китайские ученые за этой фразой скрывали мнение, что и Горбачев, и Ельцин дали немало поводов полагать, что их важнейшие политические решения были приняты под внешним влиянием, поскольку сам механизм принятия политических решений в СССР был не защищен от такого влияния. И причина этого – в высокой степени персонификации, отсутствии коллегиальности, что, фактически, было обусловлено тем, что Компартия в СССР стояла над законом (В. Бородич, 2008, с. 116) Та же ситуация была при Мао, но писать об этом прямо в Китае, видимо, было сложно. Не следует полагать, что китайская внутренняя дискуссия по поводу развала СССР, а еще раньше – путей реформирования социализма, велась исключительно в одном направлении для подтверждения действующих теорий и концепций КПК в развитии страны. История изучения СССР в Китае за последние 20 лет дает основание полагать, что далеко не все выводы тут предаются огласке и часть, возможно, сохраняется лишь для внутреннего пользования, а те, что доступны и опубликованы, – своеобразные клише, которые сформировались в процессе эволюции китайской общественной мысли, и, следовательно, их можно объяснить.

Изучение опыта советских реформ и развала СССР в Китае

В изучении Перестройки и опыта реформ в СССР китайской общественной наукой, можно выделить несколько периодов.

Первый период продолжался с 1978 года по 1985 год, когда ученым и руководителям Китая после завершения «культурной революции» важно было определиться с отношением к историческому опыту социализма и перспективам дальнейшего соревнования с

капитализмом. Главной целью такого исследования и извлечения уроков прошлого было определение дальнейшего направления реформ в Китае.

Следующий период длился с 1985 по 1992 год. Он совпал с финальной фазой существования СССР, и поэтому является наиболее противоречивым и интересным. В свою очередь, он может быть разделен на два этапа: первый – 1985–1989 гг. и второй – 1989–1992 гг. Границей между ними может считаться 4 июня 1989 года, когда власти Китая силой подавили продемократическое движение на площади Тяньаньмэнь. Заметим, что это произошло спустя несколько дней после визита в Пекин генсека КПСС М. С. Горбачева, который дал надежду на сближение двух стран. Дэн Сяопин даже сравнил взгляды Горбачева на реформы со своими.

По сути, СССР и КНР пришли к согласию и устранили взаимное недоверие в тот самый поворотный для обеих стран момент, когда их исторические пути стали расходиться. Для СССР это был путь в небытие, для Китая он оказался дорогой весьма тернистой, но все же дорогой в будущее. Китай уже тогда с подозрением относился, а потом и вовсе отверг подходы Горбачева к демократизации политической системы и гласности. События на Тяньаньмэнь закрепили этот отказ практически.

В самом Китае началом конца системы мирового социализма предпочитают считать ноябрь 1989 года, то есть падение Берлинской стены. Правда и об этом в Китае говорят неохотно: предвидеть этот поворот они сами не смогли и практически до последнего момента поддерживали отношения с властями ГДР.

С 1992 года и до сегодняшнего дня продолжается **третий период**, в котором научные исследования социализма СССР стали основой для разработки новой теории социализма в Китае.

Рассмотрим эти периоды подробнее. До 1989 года, с началом горбачевской Перестройки, в СССР и Китае набирал силу «параллелизм» в развитии того, что и в Пекине, и в Москве называли «реформой социализма». Тогда возник взаимный интерес к опыту реформ. Разница, впрочем, состояла в том, что в СССР китайский опыт изучался как нечто абстрактное, без попытки его использования на практике. В то же время, китайцы очень пристально изучали Перестройку, все ее повороты и хитросплетения. Китай использовал СССР как полигон для изучения шагов и практик, которые было бы необходимо или, наоборот, нежелательно использовать в китайских реалиях.

Китайские ученые сначала устранили старые идеологические барьеры и в целом убедили партию признать в СССР социалистическое государство, что позволило начать изучение различий в моделях социализма. Именно в этот период – примерно с 1984 года – сотрудники Китайской ассоциации по изучению СССР и Восточной Европы под руководством Ву Сючуаня предложили разработать научную социалистическую теорию,

которая бы базировалась на 70-летнем опыте развития СССР и Китая, а также учитывала бы современные реалии и мировые тенденции. Одновременно в китайской экономической науке все чаще стал применяться сравнительный метод, качественный и количественный анализ для выявления закономерностей развития разных стран не только социалистического лагеря, но также и капиталистического мира.

Именно в этот период китайская наука определила для себя фундаментальные вопросы по изучению СССР:

- 1) будущее СССР и влияние развитие его на Китай;
- 2) будущее социализма как важнейший вопрос для развития политической и социальной системы Китая, а также поддержки легитимности правящей партии;
- 3) расстановки сил между сверхдержавами и международные отношения в регионе Северо-Восточной Азии;
- 4) перспективы роста совокупной национальной мощи Китая в условиях позитивного и негативного влияния извне, при условии максимальной мобилизации внутренних ресурсов.

Такая постановка вопроса привела к тому, что партийное руководство стало сильнее влиять на исследователей, работа которых все больше координировалась из партийных органов, поэтому «разногласия» в оценках между научными кадрами и политиками с самого начала были сведены к минимуму, а потом устранены вообще (Th.P. Bernstein, 2010, p. 450). Когда ряд китайских ученых попытались проверить, как далеко им позволено заходить в своих исследованиях реалий СССР и какие выводы делать, партия дала свой однозначный ответ. С конца 1983 года китайские власти развернули кампанию против «духовного загрязнения на идеологическом фронте», сущностью которого было «распространение всяческих гнилых, упаднических взглядов буржуазии», тенденций буржуазной либерализации, подогревания недоверия к делу социализма и коммунизма, к руководству Компартии. «Я никак не думал, что у нас в партии найдутся товарищи, которые тоже будут пропагандировать абстрактный гуманизм, ценность человека и тому подобные вещи», – заявил Дэн Сяопин 12 октября 1983 года. Таким образом, еще до начала перемен в СССР была четко определена грань, до которой могут продвинуться исследования в теории и практике социализма.

В 1986 году последовала чистка в рядах партии, которая привела к отставке с поста генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана и коснулась ряда экспертов, выступавших за сравнительный анализ социализма. На XIII съезде КПК осенью 1987 года была поставлена новая задача – изучить вопросы советского прошлого, которым ранее не уделяли внимание. По заявлению нового генсека ЦК КПК Чжао Цзяяна, нужно было разработать новую «великую теорию», которая бы стала орудием борьбы с догматизмом, традиционными взглядами на известные проблемы, исправила ошибочные суждения. Перед научными

кругами ставилась задача отслеживать текущие изменения в СССР, особенно в таких сферах, как отношения партии и государства, демократизации, социальной справедливости, усиления норм законности. Все это должно было стать вкладом в развитие китайских реформ. Если в 1986 году китайские ученые все еще писали об ошибках Горбачева, то уже к марту 1987 года китайский партийный журнал «Ляован» сообщал об успехах преобразований в СССР, говоря о том, что политическая и экономическая реформы привели в движение общество, что ощущается поддержка реформ «со стороны трудящихся и партийных работников». Китай даже использовал советский термин «социалистическая демократизация» для объяснения преимуществ различных стилей управления экономическим развитием, социальной и культурной жизнью. Правда, цитаты из Горбачева приветствовались меньше, чем из Ленина и Маркса.

По мере развертывания перестройки ряд ученых полагал, что все происходящее в СССР так или иначе приведет к изменениям в Китае, отразится на ходе китайских реформ. Пекину импонировало, что Горбачев отказался от брежневской идеи о том, что советское общество достигло этапа «развитого социализма». Это в Китае рассматривалось как претензия на то, что советская модель якобы превосходит китайскую, свидетельствует о стремлении Кремля к гегемонии. В Китае такое решение расценивали как признание КПСС того, что ни одна компартия мира не вправе иметь монопольное право определять, чем является социализм. В ответ китайцы сняли с КПСС ярлыки «ревизионисткой» и «социал-империалистической» партии. На XXVII съезде КПСС, в начале 1986 года, были признаны ошибки периода «застоя» и противоречия текущего момента развития, что совпадало с видением ситуации китайцами.

В Китае шла реформа экономики, а Михаил Горбачев взялся за политику, что импонировало части китайских наблюдателей. Они полагали, что политические преобразования куда важнее экономических, видели в действиях советских властей подспорье для КПК и интенсифицировали дебаты по этой теме. Китай взялся за реформу управления и госсобственности, в СССР говорили о защите демократических прав рабочего класса, что также было актуально для реформ в условиях Китая. Однако когда Горбачев заговорил о гласности и «новом мышлении», китайский истеблишмент стал воспринимать его с опаской. После того как советский лидер стал говорить, что реформы нельзя ограничивать экономикой, поскольку без политических, социальных и культурных трансформаций экономическое развитие будет «пробуксовывать», его стали меньше слушать. Когда же Горбачев высказал идею о том, что проблема в осуществлении реформ – в слабости демократических институтов, его начали цензурировать в Китае. К концу 1988 года в Китае Горбачева уже воспринимали противоречиво: китайские либералы взяли на вооружение его лозунг о политических переменных в борьбе против КПК, в то время как другие, одобрявшиеся китайскими властями, говорили о том, что советский лидер пошел не

тем путем.

Михаила Горбачева посчитали опасным для социализма. В июне 1989 года, после разгона студентов и отставки Чжао Цзыяна (которого прозвали «китайским Горбачевым»), исследования по Советскому Союзу стали жестко контролироваться партийными органами КНР. Ряд ученых, которые в своих работах развивали идеи либерализма, идеологических поисков и даже сравнительного социализма, были заклеены как «приверженцы духовного загрязнения», а иногда и как «контрреволюционеры».

В течение следующих двух лет политика Михаила Горбачева перестала быть объектом исследования. Говоря о реформах в СССР и межэтнических конфликтах, ученые Китая всякий раз подчеркивали, что Горбачев предал социалистическую идею. Так родилась одно из трех положений о причинах развала СССР. Затем были проанализированы ошибки Горбачева на пути реформ, и к 1992 году имидж лидера Перестройки как «злодея», уничтожившего партию и страну, окончательно закрепился в китайской науке (и с тех пор, как свидетельствуют публикации, не пересматривался).

Разработка третьей причины развала СССР – теории давления извне и «мирной эволюции» советского режима в направлении западной либеральной вестернизации происходила уже после 1989 года, и даже после исчезновения СССР. Вопреки ожиданиям Пекина, сближение с Москвой не привело к внешнеполитическому альянсу. Власти СССР заняли пассивную позицию в условиях введения санкций Западом против КНР в 1989 году, не стали отстаивать идею сохранения единого государства в условиях нарастания центробежных тенденций в советских республиках. Затем Михаил Горбачев пошел на уступки США в вопросах разоружения и не стал противиться стремлению Вашингтона установить «новый мировой порядок», в то время как Пекин видел в России союзника по продвижению идеи о «мультиполярном мире». Китайское руководство расценило эти действия как попытки США усилить вмешательства во внутренние дела отдельных стран с целью добиться большего контроля над страной. Был сделан вывод о том, что подходы «изменения системы изнутри», использованные по отношению к СССР, будут применены Америкой и по отношению к Китаю. Поэтому решили, что Китаю следует достаточно осторожно относиться к помощи извне и контролировать свое участие в процессах глобальной интеграции. Заметим, еще в 1992 году в китайских научных кругах также разрабатывалась теория о том, что насаждение в России «западных ценностей» в конце концов приведет к провалу «американских» планов. Русская идеологическая традиция, уходящая корнями в Российскую империю, возродится и найдет свою основу в стремлении российских властей к восстановлению супердержавы, в том виде, каким был СССР (Сю Чжисинь, 1992, с. 1–6). С этой точки зрения любопытно взглянуть на события последнего десятилетия в эволюции российской власти и идеологии.

Межэтнические конфликты на территории СССР, а также региональный сепаратизм

стали еще одной причиной крушения советского государства в начале 1990-х. Однако китайское руководство этому фактору стало уделять внимание достаточно поздно – на рубеже 1988–1989 гг. И тогда он рассматривался как потенциально наиболее опасный для существования СССР. Советское общесоюзное руководство не смогло предотвратить кровопролитие в Средней Азии, на Кавказе и в Приднестровье, не сумело сдержать рост сепаратистских настроений в большинстве республик Союза, воспрепятствовать оформлению политических движений. Местные элиты выступали с позиций сначала большей автономии республик, а затем и требований признать права союзных республик на самоопределение и независимость. В КНР сразу обратили внимание, что СССР был построен на принципе «социалистического федерализма» и статья 72 Конституции СССР от 1977 года сохраняла право за союзной республикой добровольного выхода из СССР. В Пекине из этого сделали вывод, что регионы в СССР имеют слишком много прав. Республиканские лидеры, опиравшиеся на поддержку местных национальных элит, которые оформились в СССР за относительно непродолжительное время, в итоге поставили точку в существовании союзного государства в конце 1991 года. Из этого в Пекине сделали вывод о необходимости усиления контроля над деятельностью национальных руководящих кадров на местах. Третий вывод касался того, что горбачевская Перестройка и гласность привела к росту сепаратистских настроений, национализма, которые под видом пересмотра старых концепций, исправления ошибок в национальной политике привели к отказу от идеологии единого советского государства. Наконец, последний вывод из региональной политики СССР: Советский Союз не сумел устранить дисбаланс в развитии различных частей страны, что в свою очередь привело к диспропорциям и перекосам в развитии, различиях в экономическом положении. Для Китая эта проблема также актуальна, ее острота только нарастала по мере продвижения реформ.

КНР – многонациональное государство. Политика в национальном вопросе в Китае всегда была сложной и неоднозначной. Но по многим параметрам китайская национальная политика отличалась от советской. КНР – унитарное государство, объединение которого и последующее расширение за счет национальных окраин происходило порой с применением силы. Но даже там, где установление народной власти Китая было мирным, впоследствии происходила ликвидация национальных или традиционных форм управления, административного и политического устройства. После своего создания КПК признавало право наций на самоопределение, но при Мао отказалось следовать этому принципу.

Существенным отличием от Советского Союза также представляется то, что среди 56 китайских национальностей и народностей, которые признаются в КНР официально, доминирующее положение – 91,9% – занимает народность хань – титульная нация, с которой ассоциируются собственно китайцы. Тем не менее, есть ряд крупных народностей Китая – чжуан, маньчжуры и хуей, монголы, тибетцы, уйгуры и т. д. Пять из них имеют в

составе КНР свои автономные образования, в статусе района. На более низком уровне существует 30 автономных округов и 124 уезда. Всего районы расселения национальных меньшинств в Китае занимают 64% территории страны, в северной, западной и юго-западной частях. Эти территории слабо заселены и развиты хуже населенных ханьцами районов восточного Китая. На данный момент западная часть КНР представляет собой перспективный район для дальнейшего развития страны, освоении природных ресурсов. Следует особо отметить, что большая часть сухопутных границ Китая приходится на национальные территории, что придает им особое стратегическое значение. Поэтому с самого начала система национальных автономий имела в КНР сутобо административные рамки: существующие автономии не имеют статуса государственности, и все местные вопросы решаются и контролируются центром. Кроме того, только центр имеет право принимать решения о создании или ликвидации автономного образования.

С началом реформ центральное правительство Китая стало уделять больше внимания особенностям различных народностей страны во всех сферах – от культурной до экономической. Унифицированной осталась лишь система политического управления автономиями с поправкой на то, что в государственных и партийных органах национальных автономий должно быть обеспечено участие национальных кадров. Таким же обязательным условием является наличие в руководящем аппарате автономного региона представителей ханьской национальности.

Несмотря на это, в Китае не устранена угроза сепаратизма, и власти порой оказываются бессильны предотвратить конфликты на межэтнической почве. Самыми беспокойными остаются районы юго-запада страны, населенные тибетцами, Синьцзян-Уйгурский автономный район и Внутренняя Монголия. Здесь время от времени происходят волнения, в которых национальный фактор играет существенную роль. Впрочем, власти, как правило, предпринимают жесткие меры с целью предупреждения инцидентов (проводится воспитательная работа в среде наиболее подверженных влиянию сепаратистских идей слоев общества), а в случае выступлений на национальной почве принимаются меры для их быстрой локализации и прекращения (вплоть до введения чрезвычайного положения, арестов и уголовного наказания участников выступлений). Призывы из-за рубежа пересмотреть существующие практики решения и смягчить национальную политику, дать этническим меньшинствам «подлинную автономию» Пекин оставляет без внимания.

В идеологическом плане в 1990 году была принята концепция «трех нет»: «ханьцы не могут жить без меньшинств», «меньшинства не могут жить без ханьцев», «меньшинства не могут жить без меньшинств». В 2003 году нынешний генсек ЦК КПК Ху Цзиньтао инициировал дискуссию о необходимости повышения «национальной сплоченности», а в 2005 году рабочая конференция КПК по национальному вопросу утвердила новую концепцию «одной китайской нации с различиями» (*чжунхуа миньцзу дуоюань ити*).

Одновременно с этим все активнее в последние годы в оборот вводятся термины «китайский народ», «китайская нация», а слово «различия» как бы опускается. При этом термины «китайская нация» и «китаец» в значении «гражданин Китая», или в дословном переводе – «китайский человек» (*чжунго жень*), по сути, очень напоминают «советский народ» и «советский гражданин», которыми оперировала идеологическая машина в СССР, настаивавшая, что при социализме порожденный капитализмом национальный вопрос разрешен, «ленинская национальная политика одержала полную победу» и что в СССР сложилась новая «интернациональная общность» – советский народ, где «все более яркое выражение получают общие черты советского характера, присущие советским людям всех национальностей» (В. Маланчук, 1972, с. 147).

Следует отметить, что в годы идеологического противостояния с СССР именно из Пекина звучала острая критика национальной политики Кремля. Так, агентство «Синьхуа», комментируя принятие новой советской конституции 1977 года, писало, что концепция «единого советского народа» – это «еще один фиговый листок насильственной русификации», а упомянутые в брежневской конституции конструкции «новая историческая общность», «советский народ», «должны быть созданы условия для сближения всех наций и национальностей СССР» Синьхуа называло «абсурдными» примерами «типичного великороссийского шовинизма» (А. Камінський, 1978, с. 98–99) При этом уже тогда, более 30 лет назад, наблюдатели отмечали, что, критикуя СССР в национальном вопросе, Китай не предлагал никакой альтернативы, не говорил о своей поддержке права наций СССР на самоопределение, которое всегда отстаивал, например, для народов Африки. В других ситуациях китайские СМИ оперировали термином «советский народ» как вполне оправданным.

Национальные проблемы в момент развала СССР воспринимались в Пекине с опаской, хотя после фактического развала Советского Союза Китай достаточно оперативно признал независимые республики и установил с ними дипломатические отношения.

Сегодня китайское руководство фактически взяло на вооружение многие наработки из арсенала советской национальной политики и идеологи по национальному вопросу, делая особый упор на формировании некоей новой «общности» – китайской нации. По мнению идеологов этого направления, «подъем великой нации Китая» происходит после полуторавекового унижения от колониальных держав и раздробленности. «Только воля и мудрость Коммунистической партии Китая и Мао Цзэдуна освободили и объединили страну, «подняли ее с колен». Цель реформ, провозглашенных Дэн Сяопином, – вернуть Китаю величие и могущество, которыми он веками обладал» (И. Рожков, 2006, с. 27)

Ранее в КПК на первый план выдвигался лозунг «только социализм может спасти Китай». После коллапса СССР акцент все больше смещается в сторону того, что китайская нация должна защищать социалистический строй, чтобы спасти себя. Опора на идею нации

уже заменила в идеологии современной КПК опору на социализм. Понятия социализма и нации поменялись местами, и в новых условиях лозунг звучит так: «Китайская нация спасает социализм, видя в нем свое спасение» (М. Галенович, 2011, с. 256).

Таким образом, можно сделать вывод, что одобренные Компартией научные выводы из коллапса СССР имеют под собой определенное основание и были достаточно проработаны. Следует отметить, что из-за развала СССР и исчезновения КПСС китайская социологическая наука лишилась права свободно выражать мнение, отличное от официального. Результатом изучения уроков советского опыта в Китае стало одобрение и утверждение следующих аргументов, которых научные круги и власти КНР придерживаются и сегодня:

1) социалистическая революция была единственным возможным путем в условиях России и Китая для того, чтобы решить проблему отставания в развитии;

2) несмотря на ошибки, совершенные в процессе революций и социалистических преобразований после них, достижения при социализме для этих стран оказались более существенными, чем если бы они совершались при капитализме;

3) сегодня отказ от социализма означает замедление развития, развал государства и, возможно, анархию;

4) таким образом, сохранение существующей политической системы, политического лидерства КПК является более предпочтительным, чем заимствование чужих систем, однако при изучении капиталистических концепций следует всемерно развивать и реализовывать потенциал социализма. Кроме того, потеря партией контроля над ситуацией, как это случилось в СССР, необязательно приведет к развитию демократических тенденций в обществе.

В то время как реальные выводы из опыта крушения СССР содержатся в работах китайских ученых, практические последствия их работы можно оценить, лишь проанализировав шаги, которые предпринимала и продолжает предпринимать китайская Компартия для сохранения своего доминирующего положения на политическом олимпе.

Практика китайского социализма

«Модернизация» – так называли процесс, начавшийся в КНР с конца 70-х годов прошлого века. Модернизация стала насущной задачей для Китая, который после экспериментов времен правления Мао Цзэдуна и хаоса «культурной революции» 1966–1976 гг. оказался перед лицом проблем, угрожающих его существованию. Однако модернизация не означала, по сути, отказа от завоеваний прошлого и, скорее, являлась исправлением всех тех негативных явлений, которые накопились в развитии КНР за первые

30 лет её существования.

Безусловно, как и в СССР, ведущая роль в проведении реформ в Китае принадлежала политическим лидерам страны, руководству Коммунистической партии. Именно они нашли в себе силы пересмотреть ряд наиболее порочных практик и одиозных положений «казарменного» коммунизма, который строился в Китае с конца 50-х годов. В работах того времени реформаторы указывали, что «социализм Мао» был «феодално-монархической деспотией», корни которого в китайской традиции уходят к первому императору династии Цинь Шихуану (259–210 годы до н. э.) (Л. Делюсин, 2004, с. 436). Дэн Сяопин, однако, в ходе реформы социализма «обогастил концептуальную основу марксистской диалектики даосско-конфуцианской философией» (А. Девятов, 2008, с. 66). Впрочем, конфуцианского «субстрата» в этом обогащении оказалось куда больше, чем на первый взгляд может показаться. К учению Конфуция и его последователей Дэн Сяопин приобщился, вероятно, пребывая в южной ссылке, а в 1979 году он напрямую связал иницилируемые им китайские реформы с конфуцианским учением об обществе «средней зажиточности». Последнее как раз и отражает ту, отличную от Мао, «специфику», которую Дэн закладывал в свое понимание «китайского социализма», именно как конфуцианского социализма (Л. Переломов, 2007, с. 213). Следует добавить, что руководители Японии, Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, Тайваня к тому времени уже именовали свой капитализм «конфуцианским».

Отправной точкой для китайских реформ стали решения III пленума ЦК КПК, состоявшегося 18–22 декабря 1978 года. Пленум провозгласил курс «социалистической модернизации». При этом термин «социалистический» в документах пленума употреблялся вместе со словами «законность» и «демократия». Несмотря на обозначившийся отход от старого курса, у Дэна и его сторонников не было четкого плана проведения реформ, и это, очевидно, знали все. Однако, что куда более важно, партийное руководство понимало, что путь, предложенный Мао, ведет в тупик и что ни у какой другой страны нельзя позаимствовать готовый рецепт для решения текущих китайских проблем.

В 1979 году Дэн Сяопин выдвинул «четыре основных принципа», которых было необходимо придерживаться при проведении реформ:

- придерживаться социалистического пути;
- придерживаться принципа диктатуры народа;
- поддерживать лидирующую роль Компартии Китая;
- придерживаться учения Маркса – Ленина – Мао Цзэдуна.

Сам Дэн Сяопин постоянно указывал на превосходство социализма над капитализмом, но, в то же время, известна его фраза, сказанная в сентябре 1978 года: «Если

социалистическая страна по темпам развития производительных сил на протяжении большого отрезка истории отстает от капиталистических стран, то какая может идти речь о преимуществах социализма?» Однако уже весной 1979 года он требовал обуздать тех, кто утверждал, будто капитализм лучше социализма (Л. Делюсин, 2003, с. 93–94). Как признавался потом сам Дэн Сяопин, у китайских руководителей не было четкого понимания сущности социализма и путей его достижения (а если и было, то ошибочное, маоистское) (Л. Делюсин, 2003, с. 82). По его словам, после подведения итогов «культурной революции» самым важным было «уяснить, что такое социализм и коммунизм, как строить социализм. Строительство социализма нужно вести из реальности своей страны» (Дэн Сяопин, 1994, с. 285). Проблемы социализма заботили Дэн Сяопина до последних лет жизни, однако, как отмечают зарубежные исследователи, он не был теоретически более подкован, чем Мао Цзэдун. Более того, его взгляды на природу социализма менялись по ходу реформ, и сам он на разных этапах выступал то за либеральные реформы, то оказывался на стороне их критиков. Тем не менее, он всегда принимал свои решения, исходя из реалий и практики.

Теоретические представления Дэн Сяопина базировались на идеях Мао, который, собственно, и был родоначальником идеи «социализма с китайской спецификой», но не дал этому явлению четкого определения. В целом, именно к этому постулату – специфичности социализма для каждой страны – можно свести суть идеологического конфликта между КПК и КПСС, который начался в 1956 году по инициативе Мао и в китайских анналах получил наименование «великая война идей между Китаем и СССР» (М. Галенович, 2011, с. 160). Мао говорил: «Российская история породила российскую систему – она поддерживала только большевиков. Способ, которым было создано российское государство, был необходим и применим только для них. ... Китайская история создаст китайскую систему... Марксизм-Ленинизм – это теория, которую Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин создали, исходя из конкретных фактов, которые заключает в себе общие выводы из исторического и революционного опыта. Если мы будем только читать эту теорию, но не будем использовать ее для исследования китайских исторических и революционных реалий, мы не создадим теорию, которая будет согласовываться с реальными потребностями Китая, теорию, которая будет иметь собственную и специфическую суть. Без этого будет безответственно называть себя теоретиками марксизма» (Н. Adlakha, 1998).

В СССР такой подход считали «ревизионистским», и даже после смерти Мао в Москве с недоверием относились к действиям китайских реформаторов, которые, к тому же, избрали для исправления ситуации не столько опыт стран социалистического содружества и СССР, но, напротив, уповали на опыт, помощь и инвестиции капиталистического мира. Кроме того, китайские руководители брали практические уроки у молодых экономик Азии. В Китае на тот момент изучался опыт НЭПа в СССР, а также опыт реформ в Югославии, Венгрии и Болгарии, позитивные наработки других стран соцлагеря. В СССР, однако, полагали, что

«попытки разработать особый хозяйственный механизм базируются на великодержавно-националистической, антимарксистской платформе» «национального социализма» могут привести «к утрате социалистической перспективы» для Китая («Опасный курс», 1981, с.50)

Дэн Сяопин сформулировал свою теорию в ходе XII съезда КПК в 1982 году, дополнив идеи Мао такими инновационными положениями, как «социалистическая рыночная экономика», «политика открытых дверей», «раскрепощение сознания», призывом «обеспечить благополучие для всех граждан Китая, но позволить части из них стать богатыми раньше других», переходом от принципа диктатуры пролетариата к диктатуре народа, о «социалистической демократии и законности» и т. д. Еще одним образцом его идеологического новаторства можно считать принцип «одна страна – две системы», который он выдвинул уже в 1984 году и который предусматривал возможность одновременного существования в Китае не только реформированного социализма с китайской спецификой, но и капитализма в чистом виде, в частности на территории Гонконга, который в статусе специального автономного района летом 1997 года вошел в состав КНР.

В СССР долго отказывались замечать, что в поисках решений проблем, с которыми столкнулся Китай, Дэн Сяопин и другие китайские руководители применили практические подходы, основываясь на вполне марксистских принципах: «практика – критерий истины», а также «коренная задача социализма – развитие производительных сил».

Вклад Дэн Сяопина в развитие идей китайского социализма, или «социализма с китайской спецификой», состоит еще и в том, что он сумел объединить партию вокруг идеи реформ. Один из основных уроков китайских реформ – в том, что отстоять марксизм можно только путем его дальнейшего развития. В то же время, воспринимая марксизм как постоянно развивающуюся науку, идущую в ногу с эпохой, КПК сочла необходимым отказаться от отдельных положений учения, содержащие элементы утопизма, выдвинутые в иных исторических условиях, а также отбросить ошибочные представления, порожденные догматическим пониманием марксизма или приписываемые ему. Прежде всего, КПК отказалась от представления о социализме как об обществе, экономика которого носит нетоварный характер, и разработала концепцию социалистического товарного хозяйства. В рамках этой концепции КПК выступила против «обобществления» и признала возможность частной собственности, в том числе на орудия производства. Партия выступила против несовместимости планового и рыночного регулирования, что привело к переходу от системы «плановой экономики», в котором рынок бы играл вспомогательную и регулирующую спрос функции, до концепции «социалистической рыночной экономики». В последней рынок играет настолько же весомую роль, сколько и общественный сектор, который, впрочем, остается доминирующим и является объектом основной заботы государства (он включает, в основном, отрасли, имеющие государственное значение и влияющие на обеспечение

национальной безопасности). В работах экономистов такая экономическая модель называется «смешанной», на Западе к ней применяют термин «государственный капитализм» или «рыночный социализм». Но китайцы все это относят к пресловутой собственной «специфике».

В вопросе о распределении доходов были отброшены взгляды, отождествлявшие уравнительность с социализмом и отрицавшие возможность получения нетрудовых доходов при социализме. В Китае сложилось понимание, что не нужно цепляться за устаревшие и рутинные представления, бояться поколебать суждения, не соответствующие духу эпохи. Если ее держать ставить новые задачи, теоретические воззрения будут прибывать в состоянии окостенения, «застоя». В конечном итоге и реальная действительность, и сами массы отвергнут такие представления, что, в свою очередь, подорвет авторитет марксизма. Что и произошло в последние годы существования СССР.

За первые десять лет реформ в Китае теория реформы стала политическим курсом партии, который содействовал обогащению теории. Это факт фундаментального значения («Коммунист», № 6, 1989, с. 112). Вот как раз его долгое время отрицали в СССР и продолжали критиковать китайские теории с точки зрения марксизма. В эпоху Дэна КПСС продолжала стоять на позиции критики и недоверия к китайским реформам, споря уже не с теориями, а с реальными практиками «китайского социализма».

Таким образом, на первом этапе реформ Китай смог извлечь уроки из собственных ошибок периода «культурной революции», исправить часть из них и заняться поиском оптимальной для себя модели развития, которая бы учитывала реалии – доминирование аграрного сектора, слабую урбанизацию и отсталое промышленное производство. Помимо изучения опыта капиталистических стран социалистическая модернизация Китая проявилась в сохранении безусловного политического доминирования Коммунистической партии и сохранении приверженности руководства страны идеалам китаизированного марксизма.

Вторым важнейшим фактором можно считать выбор в пользу постепенных и осторожных шагов реформирования страны по принципу «переходить реку, нащупывая камни». Причем такой подход фактически предусматривал возможность «отмены последнего действия», когда эксперименты или мероприятия, которые не давали ожидаемого эффекта или приводили к нежелательным последствиям, могли быстро отменяться, а их негативные последствия ликвидироваться самым решительным образом. Так, в частности, произошло с переходом к системе свободного ценообразования и началом масштабной приватизации, которые вызвали массовое недовольство и были отменены, отсрочены или растянуты в реализации на более длительный период, чем это предполагалось изначально. Тем не менее, уже по итогам первого десятилетия реформ китайские руководители поставили задачу к 2000 году увеличить в четыре раза

производство промышленной и сельхозпродукции, придать экономике гармоничный и современный характер, стабилизировать политическую систему, сделать ее эффективной с точки зрения принимаемых решений (Ф. Бурлацкий, 1989, с. 409).

К моменту начала бурных перемен в Восточной Европе и Советском Союзе Китай, по крайней мере, экономически накопил определенный потенциал для развития, создал запас прочности всей системы и получил первые результаты экономических реформ. Однако даже прозорливые китайские лидеры не смогли предвидеть коллапса социалистической системы и развала СССР, не смогли предвидеть то, что им придется дальше идти самим, не опираясь на чужой опыт.

Переломный момент 1989–1992 гг. стал для Дэн Сяопина и китайских руководителей переосмыслением первого этапа реформ. После исчезновения СССР и разгрома продемократического движения в Китае КПК отвергла ленинскую установку, что «политика не может не главенствовать над экономикой». «Рассуждать иначе – значит забывать азбуку марксизма», – говаривал В. И. Ленин. Но в Китае Дэн Сяопин, говоря о «социалистической модернизации», всегда ставил на первое место экономические преобразования, а политическая система, точнее система управления государством, видоизменялась, исходя из потребностей экономического развития в процессе экономических реформ. Несмотря на перестройку экономической модели, власть Компартии Китая, которая была в авангарде преобразований, оставалась незыблемой.

«Экономическое развитие спасет партию», – говорил Дэн, а демократию и идеологические баталии можно оставить на потом. В Китае не шла речь о демократии, когда Дэн Сяопин в острой межфракционной борьбе сумел вывести из руководства КПК сторонников Мао и наиболее радикальные «левацкие элементы», сплотить Коммунистическую партию вокруг идеи реформ и обновления основ партийной жизни через усиление партийной дисциплины. В СССР, в котором не отказались от принципа доминирования политики над экономикой, старт китайских реформ выводили из политических решений V пленума ЦК КПК (февраль 1980 года), когда из руководства КПК была изгнана «банда четырех», реабилитирован Лю Шаоци и началось восстановление государственных институтов, работа которых была парализована в ходе «культурной революции». Советская Перестройка не стала поводом к дальнейшим политическим реформам в Китае. Фактически, в последние пять лет жизни Дэн Сяопин сам превратился в того, против кого боролся, – в диктатора, который ради спасения КПК и государства повел себя не менее жестоко, чем Мао Цзэдун. Малоизвестным, например, остается тот факт, что одновременно с разгоном продемократических выступлений студентов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году китайские власти в зародыше «задушили» зарождающуюся левую оппозицию. Она тогда выступала с требованием к партии сохранить завоевания социализма – стать защитником прав рабочих и крестьян, которые становились только беднее в

результате ценовой реформы и разворачивающихся процессов коммерциализации китайской экономики, разгосударствления предприятий. Несмотря на это, КПК сделала ставку на те силы китайского общества, которые наиболее активно поддерживали китайские реформы. Очевидно, среди них было немало госчиновников и партийцев, которые в этот момент становились крупными предпринимателями, бизнесменами. Но основная ставка была сделана на «частников», которые первыми воспользовались плодами реформ, были в их авангарде. Именно они впоследствии превратятся в основную группу политического и экономического влияния на китайский олимп. Во многом экономическая политика китайского государства в целом будет направлена на поддержку крупного бизнеса, тесно связанного интересами государства и частного предпринимательства. Так была создана пресловутая «China Inc.» – корпорация «Китай». (Т. Fishman, 2005, p. 9) Именно поэтому созданную в Китае модель именуют еще и «государственным капитализмом». Тогдашних китайских лидеров не смутило, что оппозицией к новому курсу партии выступили старые партийцы, которые даже были вынуждены эмигрировать за рубеж и оттуда критиковать китайское руководство за «преклонение» перед капиталистическими ценностями.

В начале 90-х в Китае реформы только ускорились и в экономике, и в политике. И вопреки бытующему мнению, что политической трансформации в Пекине не произошло вообще, следует указать хотя бы на самые существенные перемены.

Дэн Сяопин стал первым китайским руководителем, который добровольно отошел от дел еще при жизни. (Настолько мудрым не оказался ни один руководитель СССР.) Постепенно он передавал новым кадрам партийные, государственные посты, установив, таким образом, систему передачи, наследования и преемственности власти между лидерами партии различных поколений. На данный момент смена поколений осуществляется в Китае каждые десять лет, и именно в 2012 году на смену лидерам четвертого поколения китайских руководителей придет пятое, которое набиралась управленческого опыта в те годы, когда у власти находились предшественники.

Отойдя от власти, Дэн Сяопин, используя свой авторитет, преодолел противоречия, которые существовали внутри КПК, хотя не устранил существование т. н. «кланов» и «фракций». Его огромной заслугой было введение коллегиального принятия решений, когда генсек КПК должен был балансировать между интересами групп влияния в партии. Постепенно это привело к тому, что все внутрипартийные решения стали более взвешенными и компромиссными. В последние десятилетия эта практика из «внутрипартийной» стала общегосударственной. КПК, правительство Китая сами инициируют широкое общественное обсуждение всех важных для государства вопросов, привлекая экспертов и в последнее время даже представителей других демократических партий и общественных организаций, которые действуют в КНР.

Таким образом, дальнейшая демократизация видится в Пекине в развитии и

усовершенствовании совещательного механизма, механизма консультаций, благодаря которым удается избегать поспешных односторонних решений, которыми ограничивается влияние извне. Стоит отметить, что проблема внешнего влияния на Китай со стороны сил, которые выступали за «либеральную трансформацию», также была нейтрализована обстоятельством, что Китай десять лет после разгона демонстраций на площади Тяньаньмэнь оставался в политической изоляции. Это позволило более активно вести работу по мобилизации внутренних резервов ради строительства социализма с китайской спецификой.

На что Китай не может согласиться, так это на то, что стало прелюдией развала СССР и краха КПСС, – альтернативные всеобщие выборы, которые в Союзе в 1989 году продемонстрировали резкое падение доверия граждан к Компартии, усилили трения центральной и региональной элит. В Китае переходить к этой «западной» практике не спешат и, очевидно, не будут (альтернативные выборы разрешены в Китае только на самых низких административных уровнях – в селах и уездах, все остальное – эксперименты).

В отличие от СССР, трансформация в Китае не является переходом от одной системы к другой, т. е. своеобразным *транзитом* с целью достижения выбранного для подражания образца развития. В случае с СССР это была западная либеральная демократия и свободный рынок. В Китае это – *поиск* собственной модели развития. Разница существенная, учитывая, что трансформация общественной системы определяется ее природой, а также вызовами внешней и внутренней среды. Природа социализма в СССР и в Китае была похожа. Однако для КНР реформы связаны преимущественно с представлениями о прогрессе как о саморазвитии системы, в то время как политика реформ в СССР, а затем и в России, предполагала замену многих базовых экономических, политических и идеологических институтов западными образцами (В. Бородич, 2008, с. 70).

Итогом этого поиска и строительства особенного китайского социализма стали новый курс, новая теория и обновленная идеология Компартии Китая как движущей силы происходящих преобразований. Уже на рубеже нового тысячелетия китайские руководители третьего поколения, взяв за основу теорию классиков марксизма с дополнениями Мао и Дэн Сяопина, предложили концепцию «тройного представительства», автором которой стал Цзян Цзэминь. Она позволила Китайской компартии стать выразителем интересов нарождающегося в КНР класса социалистической «буржуазии», предпринимателей – тех самых людей, которые, следуя установке Дэна, в 1980–1990-х годах «обогатились ранее других». Новейшей идеологической платформой КПК, впервые сформулированной в 2003 году нынешним председателем КНР и руководителем Китайской компартии Ху Цзиньтао, стала концепция «научного подхода к развитию». Ее цель – обеспечить долгосрочное, быстрое и здоровое развитие Китая во всех сферах. В 2006 году ее логическим развитием стала теория «строительства гармоничного социалистического общества»,

которая фактически слила воедино все предыдущие наработки, добавив к ним традиционный для китайской политической мысли конфуцианский субстрат (Ding Xiaojin, 2010, с. 5).

Тем самым он уже в начале – середине 1990-х в Китае были решены те важнейшие проблемы, которые привели к исчезновению КПСС и развалу СССР. На рубеже XXI столетия руководство КНР, похоже, нащупало свой уникальный курс, который по традиции, принятой в Китае можно назвать «один путь, две мечты». Своеобразие, китайского пути, по мнению китайских идеологов, состоит в том, что, даже возвышаясь и усиливаясь до уровня «сверхдержавы», КНР не должна повторить ошибочный путь «гегемонизма», который всякий раз приводил к печальным последствиям для стран, его придерживавшихся. СССР – в их числе. Китай сегодня избрал путь мирного развития, постепенно (и для многих совсем незаметно) проводя «глобальное упорядочивание». Первой мечтой Китая является описанный выше «процесс национального возрождения», в результате которого Китай превратится в «могучее демократическое, цивилизованное, современное и гармоничное» государство. Вторым аспектом «китайской мечты» является стремление к миру и гармоничному сосуществованию могучего Китая со всеми странами и народами ради гармонизации всей планеты (Ли Цзюньжу, 2011, с. 154-155).

Отношение к опыту идеологического строительства в Китае, к опыту крушения советского блока и СССР, находится, вне всякого сомнения, не только в сфере интересов академических кругов, которые спорят об опыте государственного и идеологического строительства в отдельно взятой стране. Но это в той же мере касается и развития теоретической и стратегической перспективы, которая необходима человечеству для трансформации современного мира.

Использованная литература

Бородич, В.Ф. 2008 *Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа*, Москва, ИДВ РАН, 248 с.

Бурлацкий, Ф. 1989 *Новое мышление*, Москва, Политиздат.

Галенович, М. Ю. 2011 *Россия в «китайском зеркале»*, Москва.

Девятов, А. П. 2008 *Три источника китайского чуда, Китайская философия и современная наука*, Москва, Самообразование.

Делюсин, Л. П. 2003 *Дэн Сяопин и реформация китайского социализма*, Москва, 208 с.

Делюсин, Л. 2004 *Китай в поисках путей развития*, Москва, 448 с.

Дэн Сяопин 1994 *Избранное*, Москва, Т. 3.

Камінський, А. «Політична асиметрія» в українсько-китайських взаєминах, *Сучасність*, лютий-1978, Ч. 2, с. 206.

Маланчук, В. Е. 1972 *Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР*, Москва, Политиздат.

Камаров, С. (ред.) 1981 *Опасный курс. Вып. 11-й: Китай после Мао Цзэдуна*, Москва, Политиздат.

Лю Цзюньжу 2011 *Что вы знаете о Компартии Китая?*, Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 192 с.

Переломов, Л. С. 2007 *Конфуцианство и стратегический курс КНР*, Москва, ЛКИ.

Рожков, И. Я. 2006 *Имиджи Китая в контексте PR и рекламы*, Москва, Издательство «МГИМО-Университет».

Сулимов, Е. Ф. 2001 *Социализм – миф или будущее человечества?*, Москва.

Скворцов Ю. Д. 2011 *О причинах расчленения Советского Союза. Комплексный анализ*, Харьков, ФОЛИО.

Сю Чжисинь 1992 Юань Сулянь дицю дэ вень вейцзи ю сифан дэ юаньчжу [Обсуждение кризиса в СССР и западня помощь] *Дуноу Чжуня юаньцзю* [Исследования Восточной Европы и Центральной Азии], № 3, с. 1–6.

Bernstein, Thomas P. 2010 *China Learns from the Soviet Union, 1949-Present*, *The Harvard Cold War Studies*, Boston, Lexington Books.

Ding Xiaojin 2010 *Socialism with Chinese Characteristics and the Development of Marxism in China*, *Das Übergangsprogramm zum Demokratischen Sozialismus des 21. Jahrhunderts in Europa*, electronic document [<http://www.puk.de/de/component/rokdownloads/puk-downloads-sozialismus-xxi/socialism-xxi-english/32-transition-to-21st-century-socialism-in-the-european-union/download.html>] (viewed on February 22, 2012).

Fishman, Ted C. 2005 *China, Inc.: How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the World*, Scribner, 352 pages.

Fukuyama, Francis, and Weiwei, Zhang 2011 *The China Model*, *NPQ*, Volume 28, no 4, p. 40-67.

Hemant, Adlakha 1998 *Towards an Understanding of Socialism with Chinese Characteristics*, *Across The Himalayan Gap: An Indian Quest for Understanding China*, electronic document [http://www.ignca.nic.in/ks_41021.htm] (viewed on February 22, 2012).

Kissinger, Henry, Ferguson, Niall, Daokui Li, David, Zakaria, Fareed 2011 Does the 21st Century Belong to China?, *The Munk Debate on China*, House of Anansi Press.

Kurlantzick, Joshua 2007 *Charm offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World*, New Haven, 322 pages.

Langerkvist, Johan 2008 The Limits of the China Model, Stockholm, Glasshouse Forum, p. 24.

Minxin Pei 1998 *From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union*, Harvard University Press.

Peerenboom, Randy 2007 *China Modernizes: Threat to the West or Model for the Rest?*, Oxford, Oxford University Press.

Tan Suo 2009 *Westernization, Boris Yeltsin's reform and social catastrophe in Russia*, Beijing, Social Sciences Academic Press (на китайському мові).